

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА КОЛЛЕКТИВООБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОПРОСЕ

Сомов М.А.

кандидат психологических наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и экономической безопасности Уфимского государственного авиационного технического университета (Россия)

УДК 303.1
ББК 60.504

В процессе развития группы, цели общегрупповой деятельности приобретают возрастающее значение в сознании каждого члена группы. Это прямо связано с тем, как члены группы формулируют эти цели в свободном высказывании. Поэтому мы считаем возможным использовать в социологическом исследовании способ формулирования цели для анализа уровня развития группы и процессов коллективообразования.

Ключевые слова: малая группа, социологическое исследование, коллективообразование, интернализация цели, параметр.

Somov M.A.

RESEARCHING TEAMBUILDING IN A SOCIOLOGICAL SURVEY

In the process of group development group-wide goals gain increasing importance in the minds of its every member. This is connected directly to how members of the group formulate these purposes in their free utterance. It is, therefore, considered possible to use a goal formulating method in a sociological survey to analyse the level of group development and teambuilding processes.

Key words: smaller group, sociological survey, teambuilding, internalization of goal, parameter.

Теоретическая и методологическая подготовка любого нового исследования начинается, как известно, с построения некоторой гипотетической модели, которая, собственно, и проверяется в практике исследовательской работы. Р. Коллинз отмечает: «Экспериментальные свидетельства особенно хорошо помогают, когда привязаны к общей теоретической схеме. Поэтому надо искать теоретические связи с “натуралистическими” исследованиями (например, организаций или взаимодействий лицом к лицу), с историческими исследованиями динамических процессов, а по сути – с социологическими исследованиями во всем их диапазоне». И далее уточняет: «Но главный род деятельности, который дает социологии интеллектуальное оправдание, – это формулировка обобщенных объяснительных принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир. Именно эти процессы определяют, каким

образом конкретные условия порождают конкретные результаты. Эти обобщенные способы объяснения и составляют науку» [1]. Работа, проведенная нами в конкретном социологическом исследовании требовала специальной теоретической подготовки и разработки такой общей схемы исследования.

Задача, которую необходимо было решить, заключалась в том, чтобы выявить условия и реальные параметры, отражающие процесс развития малых групп от момента их формирования и начала совместной работы до высшего уровня развития группы – коллектива. Более отдаленной общей целью работы выступало активное влияние на процессы коллективообразования в условиях проведения реальной научно-исследовательской и инновационной работы, когда действующие группы формировались из представителей разных организаций – промышленного предприятия и учебного вуза. Каждый член группы,

состоящей из производственников и научных сотрудников – преподавателей вуза, продолжал работать на своем основном рабочем месте и в дополнение к своей работе часть своего рабочего времени посвящал решению общих задач новой группы. При такой постановке задачи разработка методики, которая бы соответствовала объекту и предмету исследования представляла самостоятельную научную проблему. К тому же, исследование планировалось проводить в режиме регулярного мониторинга, сопоставляя получаемые данные с объективными показателями научно-исследовательской и инновационной деятельности каждой группы.

Решение такой задачи требовало междисциплинарного подхода, так как обычные методы исследования в социологии не обеспечивают изучения характеристик развития группы, что привело к необходимости обратиться к результатам исследований в смежных науках, в частности, в социальной психологии, в поисках показателей и параметров, которые можно было бы многократно использовать в исследовании.

Изучение малой социальной группы имеет более чем вековую традицию. В этом объекте исследования соединились интересы социологов и социальных психологов, поэтому количество публикаций по данной проблематике чрезвычайно велико и продолжает расти. Наш интерес к данной проблематике определяется теми аспектами изучения малой социальной группы, который раскрывает особенности группового развития, трансформации группы в ее движении от группы низкого уровня развития к группе-коллективу, что и определило направление наших поисков. В публикациях по данной теме можно найти описание феноменов, свойственных группе-коллективу, дается множество определений как группы, так и коллектива, однако определить, какой конкретно параметр может быть взят за основу в исследовании развития группы от момента ее формирования до высшей ступени развития – коллектива, мы не нашли. Это поставило нас перед необходимостью самостоятельно определить необходимые для исследования параметры.

В качестве предварительного допущения мы исходили из утверждения, что 1) группа состоит из людей, что позволяет говорить о том, что все участники группы являются личностями; 2) группа создается для реализации определенной деятельности, выполняя поставленные перед ней задачи. Деятельность и ее понимание, осознание выступают в качестве основных, наиболее важных для нас понятий, поэтому свой анализ мы начали именно с них. А.Н. Леонтьев по этому поводу пишет, что «капитальное изменение, претерпеваемое сознанием в ходе исторического развития, состоит в разрушении первоначальной слитности сознания трудового коллектива и сознания образующих

его индивидов» [2, с. 132]. До этого разрушения, так сказать, первоначально, личность, а точнее было бы говорить в данном случае – индивид, был в известной мере деиндивидуализирован. Он не имел и не мог иметь индивидуальности, вся его деятельность могла носить только общегрупповой, коллективный характер, и нацелена она была на удовлетворение потребностей всех и каждого. Учитывая особенности и образ жизни людей того времени, мы предполагаем, что их деятельность могла быть направлена, прежде всего, на удовлетворение самых насущных потребностей – в еде, тепле, безопасности. В общей коллективной деятельности цели многих, объединяясь в едином действии, производили тот самый эффект синергии, когда одновременное усилие нескольких намного превосходит одиночные усилия того же количества участников по отдельности. Это и есть пример *коллективного усилия, коллективного действия*.

Достаточно ограниченный набор потребностей, направленных, прежде всего, на выживание группы, объективно формировал и те виды коллективной деятельности, в которые включался каждый участник, поскольку потребности, которые возникали у одного, соответствовали потребностям каждого другого. В большей степени это напоминало коллективное реагирование на внешние обстоятельства, в условиях, когда индивидуальное поведение еще просто не существовало; индивид не мог иметь индивидуальных потребностей, отличных от потребностей своей группы. Любая деятельность существовала только в виде коллективной.

Современная деятельность и современные группы намного сложнее такой модели. Увеличилось количество и виды деятельности, сознание каждого отдельного человека индивидуализировалось, стало более автономным и теперь уже не только мотив направляет деятельность человека. «Основными «составляющими» отдельных человеческих деятельности являются осуществляющие их действия. Действием мы называем процесс, подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия [там же, с. 103].

Так в понимание коллективного действия вляется еще один важный компонент – цель. Можно в таком случае дополнить сказанное выше – коллективное усилие, коллективное действие направлено на достижение общей, то есть единой для всех участников цели в данный конкретный момент. Если даже цель будет единой, но участники подключаются к ее достижению в разное время (их усилия не согласованы во времени), тогда действие перестает быть коллективным, оно возвращается к исходному индивидуальному действию.

Рассмотрение групповой деятельности мы начали с момента нерасчлененного единства сознания трудового коллектива и отдельного индивида, когда весь коллектив выступал в качестве совокупного субъекта деятельности. В определенном смысле такой коллектив может рассматриваться в качестве эталонного – все «составляющие» человеческой деятельности уже присутствуют, но личности как таковой еще нет, в силу отсутствия развитого индивидуального сознания. Как следствие, отсутствует и индивидуальное осознание и индивидуальная цель, отвечающая потребностям конкретной личности.

Возникает вполне оправданный вопрос: а может ли существовать такой эталонный коллектив в настоящее время, при условии, что состоять он будет, естественно, не из индивидов с неразвитым сознанием, а из вполне современных, образованных людей, каждый из которых вполне может быть назван личностью? Думается, что при определенных условиях на этот вопрос можно было бы ответить положительно. Личность при этом не утрачивает своего личностного своеобразия и неповторимой индивидуальности. Она **добровольно и осознанно** подчиняет свои цели, свои действия общегрупповым целям деятельности, согласовывает и кооперирует свои действия с действиями других членов коллектива. Она как бы растворяется в других участниках совместной деятельности, разделяя с ними общие ценности, общее восприятие действительности, общее отношение к деятельности. Личное и индивидуальное отходит на второй план. Вперед выступает общее, коллективное, совместное.

Этот отказ от индивидуальности может быть частным, локальным, временным, скажем, только на время совместной работы, только тогда, когда мы вместе. Хотя, вероятно, здесь тоже возможны различные варианты.

Показателем такого уровня включенности в коллектив на уровне каждой отдельной личности, исходя из приведенного анализа деятельности, выступает, как мы видим, параметр цели. Чем выше степень совпадения целей участников совместной деятельности, тем больше мы приближаемся к тому эталонному коллективу. И, соответственно, наоборот, чем меньше совпадают цели членов группы, тем дальше мы от понятия собственно коллективной деятельности. Осталось только определить, каким образом данный показатель можно измерить в группе. Вполне понятно, что носителем данной характеристики выступают члены группы. Понятно и то, что простой вопрос о том, разделяете ли вы общие цели группы, не может гарантировать искренности респондентов при проведении опроса в конкретном социологическом исследовании. К тому же, далеко не всегда личность действительно может реально определить мотив своей деятельности.

Современный человек живет в сложном мире и выполняет множество самых различных видов деятельности. Можно сказать, что его деятельность «становится полимотивированной, т.е. одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам. ... При этом одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл; мы будем называть их *смыслообразующими мотивами*. Другие, сосуществующие с ними, выполняют роль побудительных факторов...; мы будем условно называть такие мотивы *мотивами-стимулами*» [там же, с. 212]. Более важными для нас являются как раз смыслообразующие мотивы – *ради чего* человек включается в ту или иную деятельность, *во имя чего*?

Понятие смыслообразующего мотива и производного от него личностного смысла на самом деле намного шире. Оно определяется как «индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, осознаваемое как «значение-для-меня» усваиваемых субъектом безличных знаний о мире, включающих *понятия, умения, действия* и поступки» [3, с. 192], причем, «смыслом обладает не только действие, но и обстоятельства и условия, в которых оно совершается» [4, с. 613]. По сути своей, внутреннее смысловое пространство личности только и может существовать как наполненное личностным смыслом, смыслом для себя – «чтобы узнать о мотиве, можно характеризовать мотив через личностный смысл. Можно наоборот – характеризовать личностный смысл через открытие мотива» [5, с. 450]. И здесь нам необходимо специально обратиться к роли языка, особенно в том, что представляет собой язык во внутреннем пространстве личности.

Анализируя характер труда К. Маркс, писал: «Во время процесса труда, ... труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» [6, с. 200]. В этом процессе происходит опредмечивание также и тех представлений, которые побуждают, направляют и регулируют деятельность субъекта. В ее продукте они обретают новую форму существования в виде внешних, чувственно воспринимаемых объектов. Теперь в своей внешней, экстернизированной или экзотерической форме они сами становятся объектами отражения. Соотнесение с исходными представлениями и есть процесс их осознания субъектом – процесс, в результате которого они получают в его голове свое удвоение, свое идеальное бытие.

Такое описание процесса осознания является, однако, неполным. Для того, чтобы этот процесс мог осуществиться, объект должен выступить перед человеком именно как запечатлевший психическое содержание деятельности, т.е. своей идеальной стороной.

Выделение этой последней, однако, не может быть понято в отвлечении от общественных связей, в которые необходимо вступают участники труда, от их общения. Вступая в общение между собой, люди производят также язык, служащий для означения предмета, средств и самого процесса труда. Акты означения и суть не что иное, как акты выделения идеальной стороны объектов, а присвоение индивидами языка – присвоение означаемого им в форме его осознания. «...Язык, – замечают Маркс и Энгельс, – есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» [2, с. 29-30].

Современные исследования специфики функционирования языка во внутреннем пространстве личности показывают: «Мы, люди, применяем язык двумя способами. Во-первых, мы применяем его для репрезентации, или представления, собственного опыта; деятельность подобного рода мы называем рассуждением, мышлением, фантазированием, репетицией. Применяя язык в качестве репрезентации, мы создаем модель собственного опыта. Модель мира, которую мы создаем, применяя язык в качестве репрезентации, основана на нашем восприятии мира. В свою очередь, *наше восприятие определяется, отчасти, нашей моделью или репрезентацией* ... (выделено мною – М.С.) . Во-вторых, мы применяем язык, чтобы сообщить свою модель или репрезентацию мира другим. Применяя язык для передачи сообщений, для коммуникации, мы имеем дело с разговором, обсуждением, письменными сообщениями, чтением лекций, пением. В этом случае мы представляем собственную модель другим людям [7, с. 37-38]». И еще: «Это применение языка для коммуникации представляет собой, в действительности, частный случай применения языка для репрезентации. При таком подходе коммуникация представляет собой репрезентацию другим людям нашей репрезентации самим себе. Другими словами мы применяем язык для того, чтобы репрезентировать собственный опыт – и это частный процесс. Затем мы применяем язык, чтобы репрезентировать нашу репрезентацию нашего опыта – а это уже социальный процесс [там же, с. 58-59]». Дилтс Р. дополняет: «... язык служит средством репрезентации, или создания моделей, нашего опыта, равно как и средством их передачи. ... Как следствие слова могут одновременно отражать и формировать психический опыт» [8, с. 26].

Таким образом, при помощи языка мы описываем реальность сначала для себя и затем через это описание передаем свое понимание мира другому человеку; все, что мы можем воспринять в этом мире, мы описываем словами. И в то же время, мы можем воспринять и осознать только то, что можем описать

языком. То, что мы не можем описать словами, мы не осознаем и не можем ни передать другому, ни осмыслить сами. С этой стороны наше восприятие мира ограничено нашим языком, поэтому можно сказать, что язык в определенной степени формирует наше восприятие мира. Эта взаимная обусловленность хорошо прослеживается применительно к способу выражения своих мыслей конкретными людьми.

В таком случае у нас появляется реальная возможность использовать эти особенности функционирования языка для выявления истинного отношения респондентов к той деятельности, в которую они включаются в данной конкретной группе. При этом мы задаем вопрос не на выявление мотива как такового, а на выявление, казалось бы, второстепенного показателя – цели общегрупповой работы. А по сути это – выявление целеполагания, то есть того, как человек воспринимает цели группы в своем внутреннем пространстве сознания. Цель каждой рабочей группы задается извне, исходя из общего плана работ и для всех членов группы цель озвучивается совершенно одинаково. А вот слышит эту цель каждый по-своему. Субъект «переводит» слова и значения, которые он слышит на язык своего собственного внутреннего сознания, то есть он переводит значения в «смысл-для-себя». Каждая поставленная задача требует для своего решения не одного или двух дней, но гораздо более длительного периода обдумывания, размышлений, поиска и выбора вариантов возможных решений и все это делается на основе индивидуального понимания задачи. Вот почему в ответ на одинаковый по значению вопрос о том, как человек понимает поставленную перед группой задачу, каждый репрезентирует свой собственный смысл понимания этой задачи. Он сообщает то, как он понял и насколько принял для себя общую цель работы.

Таким образом, на основе теоретического рассмотрения, мы установили, что динамика коллективообразования может быть диагностирована в социологических опросах при помощи анализа того, как участники совместной деятельности отражают и, соответственно, репрезентируют групповые цели деятельности. Параметр этот, как и требовалось изначально, представляется вполне понятным, простым в использовании и, надеемся, информативным.

Литература:

1. Collins R. Sociology: prescience or antiscience? [Электронный ресурс] // American Sociological Review. February 1989. Vol. 54. P. 124-139. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/koll_socnauk.php (дата обращения 02.08.2012)
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1975. 304 с.

3. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

4. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.

5. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000. 509 с.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23.

7. Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии: Пер. с англ. М.: Каас, 1995. 520с.

Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 320 с.

References:

1. Collins R. Sociology: prescience or antiscience? [e-resource] // American Sociological Review. February

1989. Vol. 54. P. 124-139. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/koll_socnauk.php (access date 02.08.2012)

2. Leontjev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M., Politizdat, 1975. 304 p.

3. Psychology. Dictionary / Ed. by A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. 2nd ed. M. Politizdat, 1990. 494 p.

4. Dictionary of a practical psychologist / Comp. by S.Yu. Golovin. Minsk: Harvest, M. ООО «Izdatelstvo AST», 2001. 800p.

5. Leontjev A.N. Lectures on general psychology: coursebook for universities majoring in «Psychology» / Ed. by D.A. Leontjev, E.E. Sokolova. M.: Smysl, 2000. 509 p.

6. Marks K., Engels F. Coll., V. 23.

7. Grinder D., Bandler R. The structure of magic: Transl. from Engl. M.: Kaas, 1995. 520p.

8. Diltz R. Sleight of Mouth: The Magic of Conversational Belief Change / Transl. from Engl. SPb.: Piter, 2008. 320 p.